

4
А-19

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А. А. ЖДАНОВА

А. М. БАБКИН

**РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ,
ЕЕ РАЗВИТИЕ, ИСТОЧНИКИ
И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА**

(По специальности № 660 — русский язык)

*Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук*

ЛЕНИНГРАД — 1968

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А. А. ЖДАНОВА

А. М. БАБКИН

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ,
ЕЕ РАЗВИТИЕ, ИСТОЧНИКИ
И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА

(по специальности № 660 — русский язык)

*Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук*

ЛЕНИНГРАД — 1968

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Доктор филологических наук профессор Э. И. Коратаева
Доктор филологических наук профессор Н. А. Мещерский
Доктор филологических наук профессор А. В. Федоров

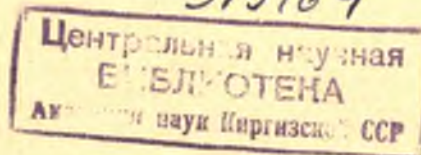
Ведущее учебное заведение — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина

Автореферат разослан « 12 » марта 1968 г.

Защита состоится « » апреля 1968 г. на заседании

Ученого совета Филологического факультета Ленинградского Ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова (Университетская наб. 9).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Университета.

Ни одна отрасль советской науки о языке не привлекла в последние десять—пятнадцать лет такого внимания советских языковедов, особенно русистов, как фразеология.¹ И это вполне объяснимо: несвободные сочетания слов и обусловленные этим явлением закономерности семантического, синтаксического и стилистического характера могут и должны быть объектом исследования стилистики, истории литературного языка, поэтики, грамматики, лексикографии и в первую очередь, конечно, семасиологии.

Приток лингвистической исследовательской энергии в область фразеологии (фразеологическая лихорадка *sui generis*!) вызван желанием функционально осмыслить и истолковать фразеологические явления и факты, которыми долгое время занималась почти исключительно одна лексикография, причем довольно непоследовательно и от случая к случаю.

Недавно опубликованы два весьма обширных библиографических перечня работ, так или иначе относящихся к фразеологии.² Хотя они и показывают наглядно, что фразеология уже вышла из стадии скрытого развития, но тем не менее все еще продолжает

¹ Разработке фразеологической теории на материале иностранных языков посвящено значительное количество работ советских ученых, среди которых выделяются глубиной содержания, отчетливостью лингвистических принципов, удачным выбором объекта и самостоятельностью подхода к языковым фактам труды Н. Н. Амосовой, Основы английской фразеологии. Л., 1963; И. И. Чернышевой, Фразеология современного немецкого языка. М., 1964; А. В. Кунина, Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. М., 1964.

Среди работ авторов-русистов необходимо отметить богатые наблюдения и выводами исследования Л. В. Архангельского, Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов, 1964; М. М. Копыленко, Исследования в области славянской фразеологии древнейшей поры. Л., 1967; М. Т. Тагиева, Глагольная фразеология современного русского языка. Баку, 1966, и др.

² В. Н. Сергеев, Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной с 1918 по 1961 г. «Проблемы фразеологии». Исследования и материалы под ред. А. М. Бабкина. М.—Л., «Наука», 1964, с. с. 255—317; Л. И. Ройзензон, М. А. Пеклер, Материалы к общей библиографии по фразеологии. «Вопросы фразеологии». Ташкент, 1965, с. с. 147—244.

оставаться аморфной по отношению к своему истинному объекту и эклектичной по материалам, на основе которых делаются попытки фразеологических исследований. Имеется в виду тот обильный поток статей, которые публикуются под сделавшимся стандартным заголовком *лексика и фразеология* того или иного автора или произведения. Эмпирические наблюдения над пестрыми выборками из какого-либо источника не обеспечивают, как правило, возможности рассматривать фразеологические явления в семантической или хронологической перспективе, а вместе с тем не способствуют и исследовательской разработке фразеологических материалов русского языка, что при отсутствии серьезного академического словаря русской фразеологии мешает целенаправленности фразеологических разысканий, удерживая робкие попытки в этом направлении в узких границах рассуждений по поводу известного набора ходовых фразеологизмов, которые зарегистрированы в общих толковых словарях русского языка и извлекаются оттуда оптом и в розницу.

С нашей точки зрения, исследователь русской фразеологии вправе ожидать удовлетворительных результатов своей работы, если ему удастся найти правильный путь между неоправданной смелостью и чрезмерной осторожностью в понимании границ своего объекта. Это с одной стороны. А с другой — всякое претендующее на серьезный характер исследование в области русской фразеологии необходимо предполагает самостоятельную разработку фразеологических материалов по источникам, которая, в сущности, еще не начиналась. Готовность же делать выводы и обобщения вне этих условий поневоле придаст им характер случайности или недостоверности.

Фразеологическая единица ближайшим образом связана со словом как генетически, так и функционально. А между тем отношение между словом и фразеологической единицей меньше всего подвергалось исследованию. Являясь носителем лексического значения, фразеологизм не может не быть эквивалентным слову, что само по себе вовсе не дает повода к их отождествлению.

Лексикализованные словосочетания привлекли внимание филологов гораздо раньше, чем лексикализация как семантическое явление языка. Составители словарей давно заметили, что значение того или иного отдельного слова иногда теряется. Замечено также, что обыкновенно это происходит тогда, когда слово, объединяясь с другим или другими, образует своеобразное нерасторжимое сочетание их. Отсюда появилась необходимость помещать в словарях подобные тесные сочетания слов, причем первоначально не столько ради них самих, сколько в заботе о тех словах, которые толкуются в словаре. По наблюдениям составителей словарей не все значения толкуемых слов могут быть подставлены в любой из существующих контекстов их употребления. Этим обстоятельством и объясняется большая или меньшая, но неизбеж-

ная произвольность подбора лексикализованных словосочетаний, характерная для всех без исключения как больших, так и малых толковых словарей русского языка.

Лексикографическая характеристика лексикализованных словосочетаний даже в словарях национального значения как академические словари русского языка или Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова не опирается на какие-либо серьезные теоретические положения и носит сбивчивый характер. В последнем по времени издании академического словаря русского языка (в семнадцати томах) не проведена последовательно даже элементарная дифференциация лексикализованных словосочетаний, не отграничены, например, терминологизованные словосочетания от фразеологических единиц типа сращения и единств, а это часто приводит к тому, что семантическая перспектива толкуемого слова нарушается и даже разрушается. Между тем будущее фразеологии как отрасли языкознания, на что она имеет бесспорное право, но чем по-настоящему еще не стала, не может быть оторвано от крупных лексикографических предприятий.

Права Н. Н. Амосова, заявляя, что «теоретическая работа в области фразеологии заметно опережает сейчас у нас работу лексикографическую. Это понятно: в наши дни составлять словарь, не имея в своем распоряжении строго продуманных и подкрепленных хорошо разработанной теорией фразеологии принципов их комплектования и построения, представляется уже невозможным»³. И тем не менее в действительности нередки случаи, идущие в разрез с этим справедливым убеждением, что находит объяснение в том, что сама фразеологическая теория создается без оглядки на лексикографическую практику и поэтому иногда приобретает слишком умозрительный характер. Автор реферруемого исследования имел намерение соединить эти задачи: выявляя характерные черты развития фразеологического фонда русского языка, он постоянно критически анализирует отражение этого процесса в современных толковых словарях русского языка. Таким образом, фактами живого употребления контролируется убедительность показания словарей, с одной стороны, с другой же — сама лексикографическая регистрация и интерпретация фразеологических единиц в словарях — неоспоримое свидетельство живого осмысления их современниками.

Предлагаемое диссертационное исследование состоит из двух книг:

I. «Русская фразеология, ее развитие и источники» (16 авторских листов). Утверждена к печати Ученым советом Института русского языка АН СССР 8 декабря 1966 г.

³ Н. Н. Амосова, Современное состояние и перспективы фразеологии. ВЯ, 1966, 3, с. 66.

2. «Лексикографическая разработка русской фразеологии» (6 авторских листов). М.—Л., 1964. Изд. «Наука».

Первая книга состоит из Введения и трех глав: I. Фразеологическая единица и слово; II. К вопросу об источниках русской фразеологии; III. Иноязычные выражения в составе русской фразеологии. Книга сопровождается указателем русских и иноязычных фразеологических единиц, рассмотренных в тексте.

Во второй книге исследуются вопросы, имеющие коренное значение для создания фразеологических словарей национального языка, как то: источники словаря; разряды фразеологических единиц; словарная статья фразеологического словаря, ее содержание и объем; размещение фразеологических единиц в словаре и др. под. Теоретические положения иллюстрируются специально разработанными словарными статьями, посвященными разного типа и характера фразеологическим единицам.

Обе книги связаны единством понимания и освещения теории и практики анализа фразеологического фонда современного русского литературного языка и являются дополнением одна другой.

I ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА И СЛОВО

Говоря о языке басен Крылова, Пушкин замечает: «Отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться». Живописный способ выражаться — характернейшее свойство фразеологизмов русского языка, делающее их незаменимыми не только в бытовом общении, но, по мере демократизации литературного языка, широко вовлекающее их и в сферу интеллектуальной речи.

История русского литературного языка от пушкинской поры до нашего времени — это путь непрерывного обогащения литературного языка выражениями и словами, почерпнутыми из живого разговорного языка народа, из его устного творчества. Мощный лексико-фразеологический пласт просторечия в составе литературного языка, к которому генетически относится множество фразеологических единиц, не остается неизменным: просторечные по своему происхождению выражения и слова ассимилируются, уточняются и становятся, в конце концов, такими фактами литературного языка, без которых он не может обойтись, не теряя своей гибкости и выразительности.

Обычно принято подчеркивать традиционность, устойчивость фразеологического фонда национального языка, количественное и структурное постоянство состава фразеологических единиц. Однако, подход к фразеологическим средствам речи под знаком их традиционности рискует оказаться односторонним. Внимательный взор исследователя подмечает не менее характерную черту фразеологизмов русского языка: рядом с исторической изменчи-

востью им в высшей степени присуща известная гибкость и диалектичность, проявляющаяся в живом употреблении. Именно это их свойство и обуславливает жизнь и развитие фразеологического запаса языка. Но для наблюдений подобного рода необходим дифференциальный подход к фразеологии как запасу готовых средств выражения и разработка многообразных источников для получения обширных фразеологических материалов.

В языке рядом со словом, как смысловой единицей, имеются смысловые единицы более сложного порядка — это такие сочетания слов, в которых смысл отдельного слова в той или иной степени бледнеет, убывает до полного исчезновения, смысл же словосочетания как целого при этом выигрывает, приобретает новое семантическое качество, развивая совершенно новое значение по отношению к сумме тех значений, которые принадлежат словам, входящим в подобное сочетание. Смысловое перерождение слова, которое при этом происходит, дает повод интересоваться подобными словами лишь как составной частью семантического целого, делая прямым объектом внимания лишь подобные целые, то есть сочетания слов во всей их семантической сложности и структурном своеобразии.

Смысловые объединения, в которые вступает слово, могут либо совпадать с традиционными грамматическими структурами (словосочетание, сочетание слов непредикативного или предикативного характера, предложение), либо не совпадать с ними (афоризм, паремия, ходовая цитата, некоторые типы пословиц и т. п.). Нет сомнения в том, что смысловые комплексы второй разновидности могут и должны быть предметом лингвистического внимания хотя бы с целью их лексикографического описания (словари пословиц, крылатых слов и т. п.), стилистической классификации, синтаксического анализа и т. п., но уравнивание тех и других, столь обычное в работах по фразеологии, чревато утратой единства объекта лингвистического исследования, а тем самым и неизбежным понижением уровня и качества самого исследования. «Совершенствование наук, — по справедливой мысли А. А. Потебни, — выражается в их разграничении относительно цели и средств, а не в смешении». Потому не только желательно, но настоятельно требуется семантические комплексы, функционально близкие к слову, отграничивать при изучении от таких комплексов, которые по их роли в контексте со словом не совпадают. В связи с этим и термин *фразеологическая единица* и его синоним *фразеологизм* следует закрепить лишь за первыми, а для фразеологического исследования и содержания, а также иной грамматической роли в речевом целом необходимо выбрать другие обозначения, лучше отвечающие их языковой природе.

Фразеологическая единица близка к слову семантически и функционально-грамматически, но отнюдь не тождественна ему. Установление сходства между ними — всего лишь прием отыска-

ния дифференциального признака, при помощи которого из неопределенного множества устойчивых сочетаний слов выделяется их определенный разряд. Фразеологизм экспрессивно-эмоционально окрашивает тот смысл, носителем которого он является, уподобляясь тем лексемам, которые не столько называют лицо, предмет, процесс или явление, сколько живописуют или «обзывают» их, то есть характеризуют и обнаруживают отношение говорящего к объекту речи. Так, например, при известных речевых (resp. стилистических) условиях понятие «материальный достаток», «богатство» может быть выражено фразеологизмом *кока с соком*: Жил я умненько, учился на железные гроши, в наследство получил медные, а детям оставил коку с соком (В. Ф. Одоевский, Живой мертвец); — Говорил, брат, я тебе, что у старого черта есть кока с соком... И хлопот бы немного было, и так на ладан дышал (Шеллер-Михайлов, Старый волк); — Город этот хороший, доходный, как раз будущий муженек коку с соком наживет (Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина). Значение «человек большого житейского опыта» передается выражениями *тертый калач*, *старый воробей*, *стреляная птица*, *видал виды* и др. под. Для обозначения понятия «ничего не делать», «быть праздным» употребляются фразеологизмы *сидеть сложа руки*, *ходить из угла в угол*, *плавать в потолок*, *ждать у моря погоды*, *бить баклуши* и т. п.

Близость фразеологической единицы к слову проявляется в своеобразном свойстве некоторых из них свертываться, то есть формировать дериваты-лексемы и продуктивные производящие основы. Для современного литературного языка это живой способ пополнения его лексическими новообразованиями большой смысловой выразительности. Таковы сложные слова: *небокопнитель* (небо коптить), *очковтиратель* (очки втирать), *водотолчение* (воду толочь), *рукоприкладство* (руки прикладывать = «наносить побои»), *пустопорожний* (из пустого в порожнее), *сногшибательный* (с ног сшибать), *трынтравизм* (трын трава) и т. п. От выражения *бумагу мараить* (= «писать неумело, плохо») образуются слова: *бумагомарака*, *бумагомаранье*, *бумагомаратель*; от *не могу знать* — *немогузнайка*, *немогузнанье*, *немогузнайство*; от *спустя рукава* — *рукавоспустие*; от *шапками закидаем* — *шапкозакидательство*, *шапкозакидайство*, *шапкозакидательский*; от *пенки снимать* — *пенкосниматель*, *пенкоснимательство*, *пенкоснимательский*, *пенкосниманье*. От выражения *знать не знаю* А. С. Хомяков свободно образует слово *знатьнезнайство*: И в словесности нашей есть при огромном незнании очень порядочная доля знатьнезнайства: существительное это соответствует глаголу игнорировать (Нравственный русский взгляд). Русские слова *комильфо*, *комильфотный*, *комильфотность*, *ферлакур*, *ферлякурить*, *моветон*, *моветонный*, *моветонность* возникли на основе широко употребительных в ус-

ловиях дворянского речевого обихода выражений *comme il faut*, *faire la cour*, *mauvais ton*.⁴

Субстантивация фразеологических единиц показывает их восприятие как семантического целого: это вечное *закидаем шапками* (Телешев), такое *шей да пори* и меня повергало в недоумение (В. Конашевич), милое *спустя рукава* русской жизни (Н. Страхов), доброе шаловливое *себе на уме* женщины (Боборыкин), виртуозное *рубить с плеча* — могущественный двигатель (А. Рубинштейн), неуловимое чиновничье *«играй назад»*, которое испытывал всякий бюрократ, ввавший в немилость (А. Кони), после этого *рвет и мечет*, если можно сделать такое существительное (И. Куцеский), лучше *слава богу* (= «результат») нежели *дай бог* (= «ожидание»), вот это-то *бог с ним* и дает поблажку (Писемский).

Допуская синтаксическое распространение по той же схеме, что и слово, фразеологическая единица повторяет его синтаксические свойства. Так именные фразеологизмы, подобно имени существительному могут иметь дополнение в форме родительного падежа существительного: *первая ласточка* нашей победы (Б. Ромашев), *дамоклов меч* несчастного случая (Вересаев), *девятый вал* зимы (Дм. Зуев), *беличье колесо* светской жизни (Шеллер-Михайлов), *женская логика* чувства (В. Дедлов), *фиговый листок* филантропии (В. Теляковский) *козел отпущения* европейских грехов (И. Аксаков). Само значение фразеологической единицы становится при этом абстрактнее: *первая ласточка* = «начало», *дамоклав меч* = «опасность», *девятый вал* = «апогей», *беличье колесо* = «суетность», *женская логика* = «нелогичность», *фиговый листок* = «прикрытие», *козел отпущения* = «виновник» и т. п.

Смысловая целостность фразеологизма предопределяет как эволюцию отдельных фразеологических единиц, так и фразеологического фонда языка в целом. Прежде всего имеется в виду широко представленное в современном русском языке явление контаминации и редукции фразеологических единиц. Под фразеологической контаминацией понимается объединение частей семантически сходных фразеологизмов, приводящее к образованию новой фразеологической единицы с тем же или сходным значением. С точки зрения норм языкового употребления далеко не все подобные фразеологические новообразования могут встретить сочувствие, но для понимания природы фразеологической единицы и механизма ее образования подобные речевые факты весьма показательны, если даже к ним относиться как к *lapsus linguae*.

⁴ Ср. наблюдение И. И. Срезневского: многие выражения, чем далее и более употребляются, тем легче стягиваются в одно как будто неразделимое слово или даже и теряют свою первоначальную стройность, так что и принимать их нельзя иначе как нераздельные слова. Так *спасибо* вм. *спаси бог* (Замечания об образовании слов из выражений).

Контаминированные фразеологические единицы нередки в безукоризненных по отношению к культуре речи текстах, ненормированная разговорная речь пестрит ими, их можно найти даже в «Словаре современного русского литературного языка», который приводит и толкует их без всяких оговорок, то есть на правах обычных фразеологических единиц.⁵

Фразеологическая контаминация спонтанно возникает на основе смысловой близости двух (реже нескольких) выражений, результатом ее является выражение — неологизм. Разнообразные в частностях, явления контаминации могут быть сведены к трем основным разновидностям ее. Первая характеризуется тем, что фразеологическое новообразование является соединением частей первой и второй отдельных фразеологических единиц: *жди*⁶ у моря погоды + ищи *ветра в поле* = жди ветра в поле: — И не вернется. Баба она молодая, вольная, — чего ей? Залетела как птица — и была такова, ни слуху, ни духу... вот и сиди и жди ветра в поле, свою женушку (Чехов, Остров Сахалин). *Влачить* жалкое существование + тянуть *лямку* = влачить лямку (Гл. Успенский, Овца без стада). *Не разгибая* спины (работать) + не покладая *рук* = не разгибая рук (Твардовский, Страна Муравия). *Сдать* (списать) в архив + выйти в *тираж* = сдать (списать) в тираж (Бабаевский, Свет над землей; Горбатов, Алексей Гайдаш). *Припереть* к стене + подступить к *горлу* = припереть к горлу (Ф. Шаляпин, Письмо П. И. Постникову). *Поддаваться* на обман + идти на *удочку* = поддаваться на удочку (Гарин-Михайловский, Детство Темы).

Фразеологическая контаминация может привести в некоторых случаях к изменению форм слов под влиянием тех грамматических отношений, которые возникают в ее результате. Например: *Держаться* замкнуто + застегнутый на *все пуговицы* = держаться на всех пуговицах (Д. Кобалевский, Как повесть стала оперой). *Кошки* скребут на *сердце* + сердце *рвется на части* = кошки рвут сердце на части (Шеллер-Михайлов, Лес дремучий). *Душа в пятки ушла* + язык прилип к гортани = язык ушел в пятки: Когда я, дрожа как осиновый лист, предстала впервые перед редактором, он спросил: — А что вы из себя представляете? Язык у меня ушел в пятки (Е. Занозина, Про наши старые годы. «Неделя», 1967, № 11, с. 5).

⁵ В распоряжении автора имеется больше двух тысяч примеров фразеологической контаминации разного типа — материалом послужила современная повествовательная и деловая проза, а также запись устной речи. В заметках ревнителей чистоты и правильности русского языка на это лингвистическое явление уже было обращено внимание. Ср. выступление в «Литературной газете» 5 декабря 1964 г. А. Рожанского, а вслед за ним К. Чуковского.

⁶ Курсивом обозначаются те части фразеологических единиц, которые входят в состав новообразования.

Контаминация второго типа характеризуется тем, что при совпадении первого компонента у обоих фразеологизмов в составе фразеологического новообразования оказываются оба вторых компонента: *уйти с головой* (во что-либо) + *уйти в свою скорлупу* = уйти с головой в свою скорлупу (Мамин-Сибиряк, Не то). *Валить валом* + *валить с ног* = валить валом с ног (Е. Водовозова, Из недавнего прошлого). *Закричать караул* + *закричал благим матом* = кричать караул благим матом (С. Антонов, Письма о рассказе). *Стереть в порошок* + *стереть с лица земли* = стереть в порошок с лица земли (А. Конн, Из харьковских воспоминаний). *Идти дальше* + *идти в ногу* = идти дальше в ногу («Правда» 24 октября 1966 г.) *Хоть ложись да умирай* + *хоть волком вой* = хоть ложись да волком вой: — С непривычки трудно было, а привыкли — ничего! — Да, браток, а ведь бывало хоть ложись да волком вой (С. Васильев, Трое у костра).

Третья разновидность отличается тем, что в роли одного из компонентов новообразования (обычно второго) выступает самостоятельная фразеологическая единица, частично лексически совпадающая с компонентом того фразеологизма, который включает ее в свой состав, например: *свить гнездо* + *осиное гнездо* = свить осиное гнездо (Литературная Россия 18 января 1963 г.). *Сводить* счета + *личные счета* = сводить личные счета (Б. Финатов, Ракетчики). *Подсластить* пилюлю + *горькая пилюля* = подсластить горькую пилюлю (Ф. Гладков, Воспом. современников). *Хоронить* концы + и *концы в воду* = хоронить концы в воду (Словарь совр. русск. литер. яз., т. 17 под словом *хоронить*). *Поминай как звали* + *Митькой звали* — поминай как Митькой звали: Генеральша ругалась как извозчик, и пересыпала свою речь простонародными выражениями, между которыми самыми приличными были: «шник с кукурузой», «поминай как Митькой звали» (Н. Северин, Глухое гнездо).

Внешней причиной возникновения контаминаций разного типа являются поиски экспрессии выражения, а лингвистическим поводом служит ослабление лексического значения у слов-компонентов фразеологизма, потеря ими номинативной функции, о чем убедительно свидетельствуют примеры такой фразеологической контаминации, при которой на место одного из компонентов встает слово, синонимичное данному фразеологизму: *смотреть во все глаза* = 'пристально смотреть' = *глазеть*. Результат контаминации: *глазеть во все глаза*: на него в церкви *глазели* во все глаза (А. Измайлов, Юморист); *пойти на удочку* = 'поддаться' — *поддаться на удочку*: — Я не поддался на его удочку (В. Никитин, Пройдоха); *брать барьер* = 'штурмовать': и с моим ростом было, конечно, трудно *штурмовать барьер* раздельного обучения (Ф. Камов, Я маленький); *нечист на руку* = 'нечестен': он *нечестен* на руку (устная речь); *осыпать с ног до головы золотом* = 'щедро

одарить': Еспер Иванович одарил ту с ног до головы золотом (Писемский, Люди сороковых годов).

Явление редукции фразеологических единиц, красной нитью проходящее через всю историю развития фразеологического состава русского языка, заключается в устранении некоторых слов-компонентов фразеологизма, в результате чего фразеологическая единица становится компактнее и лаконичнее, что повышает ее сочетательную способность и вполне отвечает семантической эволюции в сторону развития абстрактности. Так фразеологизм *молоко на губах*, употребляемый в значении 'молод', является редуцированной формой выражения *материно молоко на губах не обсохло*; *не по носу табак* — 'не подходит', 'не годится' — редуцированная форма поговорки *не по носу табак*; *хрящ переест*, допускающей и следующую степень редукции — *не по носу кому что-либо*. Подобно этому: *мороз по коже* <подирает, мурашки по спине >забегали; *обратная сторона* <медали; *через пень колоду* <валить; на чем свет >стоит и т. п.

Крайней степенью редукции фразеологической единицы следует признать свободное употребление одного из ее компонентов, семантически обогащенного за счет смыслового целого. В результате этого лексический запас языка пополняется новыми словами или, что бывает чаще, уже существующие слова приобретают новые значения. Таким образом процесс семантического развития осуществляется наряду с интеграцией, при возникновении фразеологических или несвободных значений слова, и путем дифференциации, когда семантически намагниченный компонент фразеологизма приобретает относительно свободное или даже совершенно свободное употребление. Количество слов, опосредованных значением фразеологических единиц, довольно велико, количество же подобных, более или менее окказиональных употреблений, практически ничем не ограничено. Слово *краеугольный*, например, свободно сочетается со словами: вопрос, факт, идея, слабость, основание, чувство и т. п., имея значение 'существенный', которым оно обязано выражению *краеугольный камень*, по происхождению являющемуся библейской цитатой. Такой же характер носит употребление слова *лавры* в значении 'успех', 'победа': Энгельгардт искал лавров на скаковом кругу (Игнатъев, 50 лет в строю); Зарубежные лавры не отвлекали Шаляпина (Л. Никулин, Ф. Шаляпин); они не польстились на легкие лавры (А. Дейч, Голос памяти); эта роль не принесла мне особых лавров (Юрьев, Записки); слова *азбучный* в значении 'простейший': азбучная осторожность (К. Головин); — *медвежий* = 'неловкий': медвежье движение (Д. Свербеев); *зеленый* = 'юный': зеленая мужская компания (Дм. Мейснер); *бирюльки* = 'нечто несерьезное': отдываться бирюльками (Гл. Успенский); *соломинка* = 'нечто ненадежное': эта соломинка не спасала (М. Слонимский); *вкручивать* = 'обманывать': он не любил вкручивать (Дм. Фурманов).

Зависимость этих словоупотреблений от выражений *пожать лавры*, *азбучная истина*, *медвежья услуга*, *зеленая молодежь*, *израть в бирюльки*, *хвататься за соломинку*, *вкручивать шарики* не оставляет сомнения. Свободное употребление глагола *распекать* и целой серии с ним связанных производных слов: *распекание*, *распекалка*, *распеканция*, *распекатель*, *распекающий* (тон) обязано выражению *распекать на обе корки*.

Семантическое обогащение отдельных слов на основе эволюции фразеологического запаса языка, семантическая динамика лексического фонда языка — это новые перспективы исследования литературных языков, открывающиеся в связи с функциональным подходом к изучению фразеологизмов.

II. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Источники обогащения национальной фразеологии многообразны. Но первое место среди них принадлежит живой разговорной речи и просторечию, которое понимается как ненормированная фамильярно-бытовая речь разных слоев по преимуществу городского населения. «Всякое удачное выражение может запечатлеться в памяти слышавших, может быть ими повторено и не один раз, может перейти таким образом в общее достояние и увеличить собою запас средств выразительности языка; новые удачные выражения могут появляться тысячами» (И. И. Срезневский, Замечания об образовании слов из выражений). Далеко не всегда, конечно, можно с точностью указать на источник происхождения той или иной фразеологической единицы, связать ее с именем того, кто пустил ее в общий оборот, но не редки и подобные случаи.

В роли типического примера переосмысления обычной бытовой фразы может служить широко употребительный среди филологов фразеологизм *упаковочный материал*. По словам Л. В. Щербы, почин переосмысления принадлежал ему: «Во всяком произведении всегда много безразличного материала (который я назвал когда-то «упаковочным»), который, конечно, никак не входит в индивидуальную систему (в стиль) данного писателя (Опыт общей теории лексикографии). Вслед за акад. Щербой этим выражением охотно пользуются и другие филологи, обычно без ссылки на него и несколько изменяя смысл первоначального употребления. Таким образом словосочетание *упаковочный материал* становится фразеологической единицей русского языка: «Однако в этих сложных единствах возможны и такие элементы, которые являются упаковочным материалом. Они заменимы» (В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке); «Строго говоря, в произведении нет лишних слов или «упаковочного материала», как выражался Л. В. Щерба

(Ю. С. Сорокин, Инструкция для составления словаря к «Мертвым душам» Гоголя).

Чаще выражение *упаковочный материал* употребляется в значении 'ненужные для смысла высказывания пустые словечки и обороты речи': «... не хватает слов, и тогда в роли упаковочного материала по всякому поводу появляется «это самое» (В. М. Жирмунский, Из устного выступления 5 мая 1967 г.); «При неоправданном или чрезмерно частом употреблении вводных слов и оборотов собственное значение их забывается, они превращаются в некие штампы, лишенный смысла «упаковочный материал», засоряющий и загромождающий нашу речь» (В. В. Веселитский, «Упаковочный материал»). Имеет место и попытка вычлениения из фразеологической единицы слова *упаковочный*, его свободного употребления со значением, которым оно обязано фразеологической единице: «Скользкая классифицирующая шкала будет включать... и нейтральные словоупотребления с нулевой рефлексией и связочные «упаковочные» средства поэтической речи» (В. П. Григорьев, Словарь языка русской советской поэзии). «Какова же причина появления в речи «упаковочных» слов? ... Для заполнения таких пауз, разрывов и служат разного рода междометия, вводные слова». (В. В. Веселитский, там же).

Наряду с фразеологизацией словосочетания *упаковочный материал*, оно продолжает сохранять свое обычное номинативное значение: «Упаковочным материалом рыба должна быть окружена со всех сторон» (Арнольд, Как хранить и морозить рыбу). Прилагательное *упаковочный* стоит в одном ряду с *перевязочный*, *строительный* и т. п. материал.

Истинную природу определенного, причем для современного русского языка широчайшего разряда фразеологических единиц характеризует переносность значения, на основе которой они и возникают. Такие и им подобные сочетания слов как *жирный кусок*, *задеть за живое*, *идти на удочку*, *на голову выше*, *смотреть сквозь пальцы*, *читать между строк*, употребляемые в переносном значении (а именно это и делает их фразеологизмами), относятся к непереносным употреблением так же, как относится прямое значение слова *идти*, *вода*, *жизнь*, *земля* и т. п. к его переносному значению. Общественная речевая практика закрепляет употребление сочетаний слов, приобретших переносное значение, и придает им устойчивый характер, как устойчивый характер приобретают и те переносные значения слов, которые перешагивают порог окказионального употребления.

Изучение появления и жизни окказиональных фразеологизмов в узком кругу, где они имеют хождение, а также судьба таких фразеологизмов, которые не сделались фактом национального языка, способствуют уяснению природы известного разряда фразеологизмов и условий, которые вызывают фразеологизм как

языковой феномен к жизни. (Подробнее об этом см. в нашей статье «Фразеология и лексикография»).

Значительна роль русского фольклора как источника русской фразеологии, всех его жанров, начиная от поговорок и пословиц и кончая сказками и былинами. Отграничение пословицы от поговорки связано с известными затруднениями, отчасти по причине синкретизма, присущего пословицам и поговоркам по их природе, но также и из-за недостаточной изученности их со стороны языковой структуры. Вопрос этот рассматривается автором в его книге «Лексикографическая разработка русской фразеологии» (с. с. 25—31). В реферируемой работе исследуются как представители соответственного обширного разряда фразеологизмы *видать виды*, *за тридевять земель*, *сказка про белого бычка* и др. под.

Для литературного языка одним из самых важных источников является язык писателя, произведения художественной, публицистической и научной литературы как актуальной, так и литературы далекого прошлого, отчасти даже забытой, но сохранившейся в языке отдельными выражениями, скрытыми цитатами, реминисценциями и иными вкраплениями, встречающимися в современной повествовательной и деловой прозе.

На протяжении долгой истории национальной культуры со страниц как выдающихся мастеров слова, так нередко и из произведений второстепенных писателей в литературный язык входили образные выражения, яркие сравнительные обороты, меткие характеристики и уподобления. Одни из них были эфемеридами и после недолгой жизни в национальном языке бесследно исчезали. Судьба других была счастливее, и они прочно укоренились во фразеологическом фонде языка, развили новые значения и оттенки, меняли не раз стилистическую окраску и сделались незаменимыми формами выражения мысли.

В русском языкознании подобные вкрапления в текст еще не получили особого названия, так как они почти не изучены и вовсе не разработаны лексикографически. Филологическая традиция относит подобные выражения к области крылатых слов, которые довольно пестры не только со стороны их происхождения, но и по функциональной роли в языке. Известной степенью слияния крылатых слов с контекстом их употребления является их перефразировка под воздействием ситуативного использования.

Лексическая лаконичность при смысловой емкости делает подобные выражения необходимыми и весьма живучими фактами языкового употребления. «Скрытые цитаты» способны выполнять две основных функции: 1) повышать экспрессивно-эмоциональную выразительность; 2) углублять содержание высказывания. Широкая употребительность и долгая жизнь многих так называемых крылатых выражений приводит к расширению и обогащению

их значений, а также к разнообразным модификациям самой их структуры.

В настоящей главе на материалах широких и обильных извлечений из текстов разных авторов, относящихся к разным хронологическим периодам, прослеживается употребление таких выражений как *не мудрствуя лукаво, дистанция огромного размера, дворянское гнездо, кисейная барышня, погибшее, но милое созданье, во весь голос, путевка в жизнь, борьба за существование, человеческий документ* и др., устанавливается структурно-семантическая их эволюция и воздействие их на лексический запас русского литературного языка.

Заметное место среди фразеологических единиц современного русского литературного языка принадлежит таким идиоматизмам, которые своим происхождением связаны с источниками церковно-книжного характера. Традиция и культурная преемственность удержала их в языке послереволюционной поры. Изменившись и преобразовавшись в смысловом и стилистическом отношении, они продолжают свободно и широко употребляться и в наши дни. На одну из причин их живучести указывает А. М. Селищев: «употребление славянизмов связывается с особой значимостью, выразительностью, с той или иной эмоцией».⁷

Укоренение библейских выражений в разных жанрах литературного языка сопровождается развитием новых переносных значений. В нашей работе интенсивно рассмотрены выражения: *святая святых, не от мира сего, камня на камне не оставить, негде преклонить головы, огненный столп* и др. Такие выражения как *знамения времени, избивение младенцев, каинова печать, козел отпущения, корень зла, мерзость запустения, соль земли, столпотворение вавилонское, чающие движения воды, люди доброй воли* и т. п., как правило, прочно усвоены теми национальными языками, которые прошли стадию христианской культуры. Сделавшись неотъемлемой принадлежностью изобразительного речевого репертуара, они пригодны для выражения таких понятий, которым совершенно чужд дух христианской морали или устарелого церковного уклада жизни и мировоззрения. Сознание тех, кто употребляет или слышит теперь подобные выражения в контекстах современной речи, не ассоциирует их былых терминологических значений, что и обеспечивает их место во фразеологическом фонде современного русского языка.

⁷ Язык революционной эпохи. М., 1928, с. 63.

Следует также назвать новую работу проф. П. Д. Филковой «Церковно-славянская фразеология в советской художественной и общественно-политической литературе». Годшиник на Софийския Университет. Филологически факультет. т. LIX, 2. София, 1965. Это исследование интересно по замыслу, удачно по выполнению, богато фактическим материалом и незаменимо для справок.

При всем значении книжно-письменных источников для пополнения и формирования фразеологического запаса русского языка основным источником все же остается сам язык как средство общения. Фразеологизация более или менее свободных сочетаний слов, то есть превращение их во фразеологические единицы, захватывает разные типы словосочетаний, не исключая и такие, в составе которых семантически доминирующим словом является местоимение.

В природе местоимения заключено его свойство наполняться содержанием и эмоционально окрашиваться под влиянием тона речи и контекста, в котором оно употреблено.⁸ В современном русском литературном языке кроме обозначения второго лица множественного числа местоимение *вы* употребляется синонимично *ты*, то есть при обращении к одному, а не нескольким или многим лицам. Под влиянием разных социально-этических причин и в разных бытовых ситуациях оказывается возможным переход в обращении к тому же лицу с одной местоименной формы на другую. Такое своеобразное употребление этих местоимений обогатило их семантику множеством смысловых обертонов и обусловило возникновение большого числа устойчивых идиоматических оборотов: *обращаться на ты, называть на вы, переходить на ты, с ты перейти на вы* и др. под. В реферируемой главе исследуется вся серия фразеологических единиц, возникшая под влиянием отмеченной особенности употребления *ты* и *вы* в русском языке.

Обилие и разнообразие источников русской фразеологии в высшей степени благоприятствовало возникновению широкого репертуара параллельных способов выражения, что при функциональном подходе к фразеологическому фонду русского языка делает проблему фразеологических единиц в русском языке прежде всего проблемой синонимической. Подавляющее количество русских фразеологизмов дублирует слова или словосочетания, употребляется для обозначения тех же понятий, которые могут быть обозначены и отдельными словами. В сложной системе синонимических средств языкового выражения соотносятся друг с другом: 1) слова-синонимы, 2) фразеологизмы-синонимы и 3) фразеологизмы с синонимичными им словами. Усложняя синонимическую систему литературного языка, подобные отношения ведут к дифференциации средств речевого выражения при одновременной стилистической специализации их. Именно этим обстоятельством обусловлена причина, по которой русский литературный язык удерживает исключительно обширный набор фразеологических единиц. Так например, с понятием 'перестал существовать', 'исчез', 'про-

⁸ Наряду с этим отсутствие местоимения там, где оно ожидается, способно придать высказыванию особый эмоциональный тон: *Всего более обозлило меня то, что он почти уже совсем перестал употреблять личное местоимение, — до того заважничал (Достоевский, Крокодил).*

пал' идентифицируются следующие фразеологизмы: *и был таков, и след простыл, поминай как звали, только и видели* (кого-либо), *как не бывало, как сквозь землю провалился, как в воду канул, словно ветром сдуло, как водой смыло, как корова языком слизнула, Митькой звали, осталось одно воспоминанье* и нектор. др.

В итоге наблюдений за структурными модификациями фразеологических единиц и развитием фразеологического запаса русского языка в целом следует признать ведущей линией этого развития — приобретение фразеологизмами большей отвлеченности, возникающее под влиянием расширения диапазона их сочетаемости и увеличения контекстов употребления. Показательна в этом отношении судьба широкого разряда так называемых соматических фразеологизмов, серии которых группируются около слов *рука, нога, голова, глаз, сердце, язык* и т. п. Фразеологизмы этого разряда как правило характеризуются полисемантизмом: *взять в руки, идти рука об руку, поставить на ноги, прибрать к рукам* и т. п.

Проследивание развития значений у таких выражений как *девятый вал, разливанное море, читать между строк* и т. п. иллюстрирует ту же идею. Первоначальное специфическое значение фразеологизма *разливанное море* это — 'много вина за столом во время угощения', — позднейшие во времени примеры употребления показывают, что *разливанное море* связывается с обозначением 'обилея чего-либо': *разливанное море риторики* (Белинский), *разливанное море железнодорожных денег* (Гл. Успенский), *разливанное море фраз* (Ленин) и даже: *разливанное море людей* (Ф. Панферов. Воспоминания друзей), *разливанное море грязи* (А. Исбах).

III. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СОСТАВЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Наряду с формами национального языкового выражения — русской идиоматикой — литературный язык обладает большим запасом иноязычной фразеологии, которая в значительной своей части международна. Иноязычные выражения, если под ними понимать такие речевые обороты, которые, хотя и вполне усвоены русским языком, но своим происхождением связаны с классическими или новыми западноевропейскими языками, употребляются двойко: 1) в переводе на русский язык и 2) в том иноязычном облике, которым они обязаны языку-источнику заимствования. Что касается переводных или калькированных выражений, таких как *до греческих календ, золотая середина, хранить молчание, начало конца, мерзость запустения, крайности сходятся, ставить точки на и, война нервов, штурмовать небо, люди доброй воли* и т. п., то вопрос об их «иноязычности» может возникнуть лишь при выяснении их происхождения.

В хронологических границах русского литературного языка от пушкинской поры до наших дней довольно часто употребляются приводимые ниже и им подобные выражения, которые относятся ко второй группе иноязычных заимствований: *à livre ouvert; carte blanche; comme il faut; embarras de richesse; tout comme chez nous; dolce far niente; se non è vero, è ben trovato; e pur si muovi; all right; hands off; last, non least; self made man; struggle for life; ins Grüne; das ewig Weibliche; man kann, was man will; no passarân!; ab ovo; alma mater; alter ego; bis dat, qui cito dat; brevi manu; circulus vitiosus; cui bono?; do ut des; horribile dictu; pro domo sua* и т. п. Судьба этих иноязычных выражений, употребляющихся в русских текстах без перевода и в иноязычном написании, сложилась иначе. Разница в алфавитах русского и западноевропейских языков явилась барьером, резко отделившим одни от других такие факты языка, которые обнаруживают совершенно неоспоримое функционально-стилистическое сходство. «Власть буквы» проявляется при этом весьма деспотично и сказалась на отношении к рассматриваемым лингвистическим феноменам не только русской лексикографии, но и русской филологии: толковые словари русского языка, особенно нашего времени, довольно охотно помещают иностранные слова, пишущиеся русскими буквами, что же касается нетранслитерированных иноязычных выражений, то они почти не привлекали внимание русской лексикографии и вовсе не были до сих пор предметом специального филологического исследования.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова имеется перечень наиболее употребительных слов и выражений, сохраняющих иностранное написание — в нем всего только 238 единиц (см. т. IV, ст. 1475—1484). «Словарь современного русского литературного языка» лишь однажды, причем в нарушение установленных в нем правил, обратился к цитатам из Пушкина и Лермонтова, в которых *tête-à-tête* написано по-французски (см. т. 15, ст. 400—401 под *ter-a-ter*). В поисках оправдательных цитат этот же словарь прибегает иногда к транслитерации: так он поступил с цитатой из «Евгения Онегина»: *Когда блистательная дама мне свой in quarto подает...* (см. т. 5, ст. 354 под *инкварто*). И тот и другой прием введения цитат, конечно, не являются лучшим лексикографическим выходом из затруднения, но оба случая дают повод признать выражения *tête-à-tête, in quarto* и т. п. фактами русского языка, невзирая на иноязычную графику.

В соответствии с традицией, вернее рутинной, «Словарь языка Пушкина» отказался от введения в свой корпус тех выражений и слов, которые хотя и вошли в поэтические или прозаические тексты Пушкина, но написаны не русскими буквами. В результате за пределами словаря оказались такие выражения и слова как *bons mots, comme il faut, e semper bene, sed alia tempora,*

dandy, madame, monsieur и т. п., между тем некоторые из них настолько хорошо усвоены русским языком, что давно приобрели и русское написание, входят в современные толковые словари русского языка, а Пушкину принадлежал первый почин их употребления.⁹

Нетранслитерированные выражения и слова обходились при разработке лексико-фразеологического запаса русского языка и при пополнении Академической словарной картотеки в Ленинграде: их выборка из текстов запрещалась.¹⁰

В советской лингвистической литературе нет отчетливого и убедительного ответа на вопрос, что собой представляют нетранслитерированные иноязычные выражения и слова по отношению к тому языку, в котором они употребляются, в частности по отношению к русскому языку.¹¹ Выявились две точки зрения, являющиеся скорее результатом впечатлений, чем сознательно выработанных убеждений на основе исследования материалов и фактов. Выведение нетранслитерированной иноязычной фразеологии за пределы национального языка — такова одна точка зрения, отчетливо сформулированная известным исследователем английской фразеологии проф. Н. Н. Амосовой. Рассмотрев английские фразеологические словари, она замечает: «В одних словарях даются иноязычные слова и словосочетания (варваризмы), употребляемые в книжно-литературной речи... в других они отсутствуют (что представляется совершенно правильным, ибо словосочетания, состоящие из слов, не существующих в английском составе, и оформленные грамматически по нормам иноязычной морфологии и синтаксиса, нет оснований считать элементами английского фразеологического фонда)». ¹² Отвержение иноязычной фразеологии, нежелание признать ее составным элементом национальной речевой культуры производится в данном случае «с порога», по чисто внешним причинам, без рассмотрения

⁹ Словарь языка Пушкина, I, М., 1956, с. 11: «Не входят в него и те иностранные, главным образом, западноевропейские, слова, которые приводятся Пушкиным в иноязычных написаниях *madame, monsieur, dandy* и др.»

¹⁰ Проект Словаря современного русского литературного языка. М.—Л., 1938, с. 55: «Слова, данные в тексте на каком-либо другом языке в иноязычном написании, не получают самостоятельных карточек; но слова и выражения, представляющие собой точную передачу иноязычных оригиналов русским письмом, выписываются».

Словарь современного русского литературного языка. Инструкция для выборщиков. М., 1955, с. 8: «Иноязычные слова, написанные нерусскими буквами, выборке не подлежат».

¹¹ *Mutatis mutandis* может возникать вопрос о русских вкраплениях в грузинском, армянском, латышском и других языках, пользующихся при письме алфавитами, не совпадающими с русским.

¹² Н. Н. Амосова, Об английских фразеологических словарях. Лексикографический сборник, VI, 1963, с. 81.

ее функционирования в языке, а лишь на основании наблюдения над словарями. Но такой подход именно к этим языковым фактам не может быть признан действительным. Еще акад. И. Ю. Крачковский убедительно доказал, что «Самый принцип работы не по текстам, а по словарям не может быть признан рациональным во всех вообще вопросах связанных с заимствованными словами». ¹³ Этот вывод в полной мере, разумеется, распространяется и на заимствованные словосочетания и фразеологизмы.

Наблюдения над заимствованными выражениями и словами по текстам приводит к иной, прямо противоположной точке зрения, чем та, которая высказана проф. Н. Н. Амосовой. Голоса выдающихся советских филологов уже раздавались в пользу осмысления выражений рассматриваемого типа как фактов русского языка. Е. Д. Поливанов признает, что фонд иноязычных заимствований «заслуживает изучения именно как часть современного общерусского литературного языка, и преимущественного изучения как наиболее ценностная с образовательной точки зрения — как отражение культуры в нашем словаре». ¹⁴ В. А. Богородицкий и Б. В. Томашевский признают нетранслитерированные иноязычные выражения частью русской фразеологии, хотя и сохраняющей свой иностранный облик. ¹⁵

Употребление нетранслитерированных иноязычных выражений в русских текстах и их ассимиляция русским языком неоднократно останавливали на себе внимание русских филологов, но дальше установления факта дело обычно не шло. Бытовало убеждение, что такое употребление носит более или менее случайный характер. Поэтому сами подобные выражения не служили предметом исследования и не подвергались сколько-нибудь серьезной лексикографической обработке, если не принимать во внимание «перечней иностранных слов и выражений, сохраняющих в русской печати свое иностранное начертание», которые прилагались к некоторым энциклопедическим словарям и словарям иностранных слов. Таким образом, приходится отметить странную и нежелательную коллизию. С одной стороны, исследователи развития русской литературы и мировой литературы в ее целом отмечают, что «может быть в одной нашей стране, в братском союзе национальностей, наметилось новое отношение к иноязычию, дружелюбное, свободное от каких бы то ни было преднамеренных или бессознательных оговорок, недоумений или враждебных чувств, ведущее к полному оправданию и пониманию всякой чужой

¹³ И. Ю. Крачковский, О книге Аддая Шера. Избранные сочинения, I, М.—Л., 1955, с. 352.

¹⁴ Е. Поливанов, За марксистское языкознание. М., 1931, с. 69.

¹⁵ В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики. М., 1935, с. с. 331, 332, 169; Б. В. Томашевский, Стилистика и стихосложение. Л., 1959, с. 248—249.

речи»,¹⁶ а с другой, — обойденной вниманием филологии оставалась широкая струя иноязычных выражений и слов, непрерывно вливающаяся в русскую речь, усваиваемая русским языком и поднимаящая его выразительную силу.¹⁷

Широкая употребительность многих нетранслитерированных выражений в русских текстах дает полное основание считать их принадлежащими к составу русской фразеологии, или во всяком случае, находящимися на ее периферии. Непереводаемость, особенно в раннюю пору употребления, при настоятельной потребности воспользоваться подобными выражениями, закрепляет обращение их в той иноязычной форме, в которой они заимствуются. «Всякая нация может и должна учиться у других».¹⁸ Неудивительно поэтому, что запас фразеологических заимствований в русском языке довольно обширен как по разнообразию языков, на основе которых он сложился, так и по типу заимствованных фразеологизмов. Значительная доля его является интернациональным достоянием. Особенно велик во всех языках международный фразеологический фонд, в образовании которого заметную роль сыграли наука, искусство и техника, не замыкающиеся в национальных границах. Вместе с тем следует заметить, что «заимствование далеко не всегда является фактом пассивным в отношении заимствующего языка, часто мы имеем дело не столько с «влиянием» чужого языка, сколько с экспансией языка заимствующего, с своеобразным лексическим (resp. фразеологическим — А. Б.) захватом».¹⁹

Разработка лексико-фразеологических материалов, связанных с употреблением иноязычных слов и выражений, не порывающих со своей иноязычной оболочкой, имеет не только утилитарно-практическое значение — обеспечение базы для составления достоверного словаря нового типа. Значение подобных материалов гораздо шире и важнее. Многие нетранслитерированные слова и выражения с течением времени, по мере их освоения, начинают писаться русскими буквами или переводиться на русский язык путем калькирования. Изучение подобных слов и выражений со стороны их семантического развития, морфологического оформления и синтаксического вхождения в русский контекст представляет

¹⁶ М. П. Алексеев, Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычии. Труды юбилейной научной сессии Ленинградского университета. Л., 1946, с. 203.

¹⁷ Попыткой восполнить этот пробел является составленный нами (в соавторстве с В. В. Шендецовым) «Словарь иноязычных выражений и слов» (в 2-х книгах). «Наука», М.—Л., 1966.

Справочное назначение словаря расширило его границы: он включает и такие материалы, которые выходят за пределы того, что можно рассматривать как элементы русского фразеологического или лексического фонда.

¹⁸ К. Маркс, Капитал. Предисловие к 1-му изданию.

¹⁹ Л. П. Якубинский, Несколько замечаний о словаре заимствований. «Язык и литература», 1, вып. 1—2, Л., 1926, с. 19.

большой лингвистический интерес. Накопление семантического потенциала, равным образом как и развитие потенциальных морфологических и синтаксических свойств у подобных слов (resp. фразеологических единиц) происходит и на той стадии их развития, которая иногда формально не позволяет еще признавать их фактами русского языка. Однако, зачисление их в разряд русских слов и выражений лишь после того, как они начнут писаться русскими буквами, приводит к искусственному отсечению начальной стадии их развития в лоне русского языка. Для истории же национального языка эта стадия развития слова или фразеологизма может оказаться в высшей степени важной и показательной.

Степень усвоения заимствованных элементов языка проявляется не столько в форме написания их русскими буквами, сколько в свойстве их сочетаться со словами русского контекста, синтаксически вписаться в него путем грамматических связей согласования и управления, в морфологической приспособляемости к заимствующему языку, что вовсе может и не связываться с графическим преобразованием заимствований. Такие, например, заимствованные слова как *дезидерата*, *коллоквиум*, *компендиум*, *корпус*, *нонсенс*, *опус*, *шедевр*, *шеф* и мн. др. еще до того, как стали писаться русскими буквами, уже склонялись подобно обычным русским словам, попадая в русские контексты: *desiderat'*ами (Ленин), *colloquium'*у (Давыдов), *corpus'a* (Крачковский), *nonsens'*ом (П. Гнедич), *opus'*ом (Л. Толстой), *chef'*ом (Е. Марков), *chef d'oeuvr'*ов (С. Булич), *chef d'oeuvr'*ом (Л. Толстой), *chef d'oeuvr'*ами (Мамин-Сибиряк) и т. п.

Среди нетранслитерированных иноязычных выражений большее место принадлежит заимствованиям особого рода, которые принято называть интернационализмами. Это — межязыковой словесно-фразеологический фонд, освоение которого тем или иным языком отличается известными особенностями. Слова и выражения международного лексико-фразеологического запаса, хотя и ассимилируются заимствующими языками, но сам процесс ассимиляции протекает не так свободно, как при заимствовании обычного иноязычного слова или выражения. Две противоположные тенденции проявляются, когда в язык-заимствователь входит интернационализм. С одной стороны, возникает намерение приспособить заимствуемое слово или выражение к строю заимствующего языка, а с другой — проявляется сознательное стремление сохранить его тождество в контекстах на разных языках. Под воздействием этих тенденций интернационализмы хотя и приобретают свойство синтаксически вписаться в контексты заимствующего языка, но вместе с тем стойко удерживают свою форму, нередко надолго сохраняя написание языка-источника. В особенности это относится к терминам и терминологическим словосочетаниям. Показателен в этом отношении упрек Белинского Герцену, который, по мнению первого, слишком вольно обходится с международной

научной терминологией вопреки существующей европейской традиции, но по обычаю, «москвичей».²⁰

Наряду с интернационализмами-лексемами в русском литературном языке довольно широк круг интернационализмов-словосочетаний и интернационализмов-фразеологических единиц. В роли средств расширения стилистических возможностей литературного языка могут быть отмечены, например: *de visu*; *comme il faut*; *self made man*; *il y a fagots et fagots*; *tout comme chez nous, dolce far niente* и др. под. По мнению А. А. Потебни, «говоря a priori, всякое иностранное слово на новой почве должно переродиться; бесчисленны примеры того, что такое перерождение и в звуках, и в значении столь очевидно, что не требует доказательств» (Язык и народность). Отправляясь от степени подобного перерождения, и должна строиться классификация иноязычных заимствований русского языка. Подобной классификации пока не существует из-за недостаточной изученности самих заимствований. Во всяком случае, нетранслитерированные иноязычные заимствования займут свое место в ряду других заимствований и сами могут и должны дифференцироваться по степени их ассимиляции русским языком. Наблюдения и факты, предлагаемые в третьей главе нашего исследования, характеризуют их настоящее лицо и показывают место в будущей классификации.

Изучение фразеологического состава русского литературного языка без исследования вопроса о месте и роли в нем нетранслитерированных иноязычных выражений было бы таким же неполным и недостаточным, как неполным и недостаточным оказалось бы изучение его лексического запаса без выявления места и роли в нем иноязычных лексических заимствований.

Публикации автора, в которых нашли отражение основные идеи диссертации:

1. Фразеология и лексикография. В кн.: Проблемы фразеологии. Исследования и материалы под ред. А. М. Бабкина. М.—Л., 1964, с. 7—36.
2. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.—Л., 1964, с. 76.
3. Фразеологизмы русского языка и задачи академического словаря русской фразеологии. Тезисы. Л., 1961, с. 3—7.
4. Иноязычные выражения в составе русской фразеологии. В кн.: Проблемы советской филологии. М., 1965, с. 11—15.
5. О природе и характере фразеологических единиц. Украинский язык в школе, 1962, 3, с. 11—16 (на украинск. яз.).

²⁰ См. В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, XII, М., 1956, с. 348.

6. Из жизни фразеологизмов. В кн.: Вопросы языкознания. Уч. зап. Педагогического института А. И. Герцена, т. 248, Л., 1963, с. 167—172.
7. Филологические словари и их источники. В кн.: Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963, с. 39—48.
8. Разряды фразеологических единиц и принципы их отбора для фразеологического словаря. Тезисы. Баку, 1964, с. 3—5.
9. Русская фразеология как объект исследования и преподавания. В кн.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967, с. 13—20.
10. Разработка лексических и фразеологических материалов как база для составления словарей. Тезисы. Л., 1966, с. 8—9.
11. Лексикографические заметки. Вопросы языкознания, 1955, 2, с. 90—97.
12. По вопросам русской лексикологии и лексикографии. Лексикографический сборник, IV, М., 1960, с. 3—14.
13. Лексикографическая традиция и пути ее обновления. Известия ОЛЯ АН СССР, 1965, 5, с. 396—404.
14. Словарь современного русского литературного языка, т. 4. М.—Л., 1955. Фразеологические единицы, связанные со словами: *живой*, с. 108—115; *жизнь*, с. 141—147; *жить*, с. 167—175.
15. Словарь современного русского литературного языка, т. 5. М.—Л., 1956. Фразеологические единицы, связанные со словом *идти*, с. 58—75.
16. Словарь иноязычных выражений и слов в 2-х книгах. М.—Л., 1966 (соавтор В. В. Шендецов), с. 1344.
Рецензии и отзывы печати на работы А. М. Бабкина:
1. Вопросы языкознания 1965, 5, с. 140—143 (М. М. Кошленко, «Проблемы фразеологии. Исследования и материалы»).
2. Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965, с. 127—132 (Л. И. Ройзензон «Лексикографическая разработка русской фразеологии»).
3. Н. Н. Гамрекели и Е. А. Мгалоблишвили, Русско-грузинский фразеологический словарь. Тбилиси, 1966, с. 19—20 («Лексикографическая разработка русской фразеологии»).
4. Журналист, 1967, 3, с. 61 (Лев Боровой, В подвалах слов — «Словарь иноязычных выражений и слов»).
5. Известия АН СССР, Серия ЛЯ 12, 1967, 1, с. 84—89 (Р. А. Будагов, Культурно-историческое значение «Словаря иноязычных выражений и слов»).
6. Вопросы литературы, 1967, 9, с. 234—236 (Н. Мацуев, «Крылатые слова» — «Словарь иноязычных выражений и слов»).
7. Вопросы языкознания, 1967, 4, с. 118—120 (М. Г. Ашукина, «Словарь иноязычных выражений и слов»).

8. Revu des études slaves, 1966, 45, p. 223. В. О. Unbegaun. Russe, Linguistique (Лексикографическая разработка русской фразеологии).
9. Revu des études slaves, 1967, 46 p. 99. В. О. Unbegaun. Russe, Linguistique (Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода).